

Отрицательные девербативы в текстах закона: коммуникативно-прагматический аспект

В. И. Поповская

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, 454001, Челябинск, Россия. E-mail: pshen555@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования отрицательных отглагольных существительных (девербативов) в законодательных текстах. В процессе анализа действующих законов Российской Федерации было установлено, что употребляющиеся в них отрицательные девербативы имеют разную степень субстантивации, причем наиболее распространенными являются лексемы, оканчивающиеся на -ение, то есть именно такие, в которых отчетливо проявляется глагольная семантика производящей основы. Напротив, чем более сильно субстантивировалось слово, тем меньше у него возможностей присоединить к себе отрицание. Слабо субстантивированные существительные достаточно сложны для восприятия реципиентом, так как представляют собой результат номинализации исходного предиката, в процессе которой отрицательная частица не- сливается с основой и превращается в приставку, образуя тем самым более сложное с точки зрения структуры и семантики слово. Кроме того, приобретая формальные показатели принадлежности к группе существительных, лексема продолжает выражать глагольные значения, которые, как показал проведенный анализ, могут актуализироваться в определенных контекстах. В данной работе выделяется три типа контекстов, актуализирующих глагольную семантику девербатива: 1) употребление в конструкции с производными отыменными причинно-следственными или условными предложениями; 2) наличие при отрицательном девербативе существительного в творительном падеже со значением действующего лица; 3) употребление в конструкциях с пропозициональными актантами. Функционирование девербатива в указанных выше контекстах нередко приводит к конкуренции их субстантивных и глагольных значений, а неполное соответствие плана содержания плану выражения обуславливает сложности восприятия подобных единиц адресатом законодательного текста.

Ключевые слова: отрицательный девербатив, отглагольное существительное, текст закона, юридический текст, юридический дискурс.

Negative Deverbatives in the Texts of the Law: Communicative and Pragmatic Aspect

V. I. Popovskaya

Chelyabinsk State University

129 Brat'ev Kashirinyh St., Chelyabinsk, Russia. E-mail: pshen555@mail.ru

The article concentrates on the study of the peculiarities of the functioning of negative verbal nouns (deverbatives) in legislative texts. In the process of analyzing the current laws of the Russian Federation, it was found that the negative deverbatives used in them have different degrees of substantivisation, and the most common are lexemes ending in -ение, that is, exactly those in which the verbal semantics of the base is clearly manifested. On the contrary, the more strongly a word has been substantivized, the less opportunities it has to attach negation. Weakly substantivized nouns are quite difficult for the recipient to perceive, since they are the result of nominalization of the original predicate, during which the particle does not merge with the base and turns into a prefix, thereby forming a word that is more complex in terms of structure and semantics. In addition, acquiring formal indicators of belonging to a group of nouns, the lexeme continues to express verb meanings that can be actualized in certain contexts. In this paper, three types of contexts are distinguished that actualize the verbal semantics of the deverbative: 1) use in constructions with derived denominal causal or conditional prepositions; 2) the presence of a negative deverbative noun in the creative case with the meaning of the actor; 3) use in constructions with propositional actants. The functioning of the deverbative in the above-mentioned contexts often leads to a contradiction of their substantive and verbal meanings.

Key words: negative deverbative, verbal noun, text of the law, legal text, legal discourse.

Тексты законов призваны регулировать общественные отношения, побуждать участников правоотношений к совершению определенных действий или предостерегать от них, устанавливая причинно-следственные связи между юридически значимыми событиями. Такое содержание законодательных текстов обуславливает наличие в них большого количества полипропозитивных предложений. В то же время основные черты официально-делового стиля – точность и краткость изложения – не позволяют законодателю злоупотреблять использованием объемных синтаксических конструкций и сложных предложений с большим количеством грамматических основ. Как следствие, перед автором закона ставится задача передачи сложных семантических структур как можно более простыми синтаксическими конструкциями, что нередко приводит к оформлению пропозиции отглагольными существительными. Общеизвестно, что обилие девербатов – одна из отличительных особенностей официально-делового текста, обуславливающая и проблему его понимания.

В научной литературе понятия «отглагольное существительное» и «девербатив» определяются по-разному. В рамках настоящей работы мы не станем отдельно останавливаться на дискуссионных вопросах, связанных с теоретическим осмыслением данной группы лексики, отметим только, что перечисленные термины будут использоваться нами в настоящей работе в качестве синонимов.

Как отмечает Г. Л. Лузина, «в общепринятых определениях отглагольных существительных обязательно указывается, что они производная номинация с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так и в синтаксическом плане» [Лузина 2001: 111]. Пограничное положение девербатов, наличие в них именных и глагольных характеристик (не всегда четко проявленных) обуславливает структурно-семантическое осложнение предложений в законодательных текстах, а следовательно, и затрудняет их понимание. Еще А. М. Пешковский замечал, что «отглагольное существительное всегда оказывается худосочным потугом на книжность, результатом стремления «образованность свою показать» <...> чем-то запутанным, бледным, вялым» [Пешковский 1925: 142]. Более того, в рамках законодательного дискурса активно функционируют девербативы, семантика которых осложнена отрицанием, репрезентированным посредством частицы или приставки *не*. Это делает данные единицы потенциально еще более сложными для понимания. Именно такие элементы языка законов и стали объектом настоящего исследования.

Наиболее употребительными в законах, по наблюдению М. В. Батюшкиной, являются отглагольные существительные с суффиксами *-ени-* (*вступление, лишение*) и *-ни-* (*задержание, помилование*), менее распространены существительные, образованные с помощью суффиксов *-и-* (*изъятие, прибытие*), *-яни-* (*деяние*); для передачи значения «действие как процесс» / «действие как результат» используются слова с суффиксами *-ци-*, *-яци-* (*конфискация, ликвидация*), *-ств-* (*разбирательство*); суффикс *-тель-* встречается у лексем, обозначающих статусно-функциональную роль субъекта юридического дискурса (*даритель, нарушитель*). Достаточно большое количество слов образовано безаффиксным способом (*досмотр, розыск*), а также путем усечения глагольной основы с суффиксацией (*взятка, грабеж*) [Батюшкина 2018: 36-38].

Проведенный нами анализ материала показал, что в группе отрицательных отглагольных существительных подавляющее большинство лексем образованы суффиксами *-ениј-*, *-ниј-*, *-иј-*: *необеспечение, несоблюдение, неустановление, недоведение, несообщение, недостижение, ненаступление, непредоставление, неразглашение, неизбрание, несогласие, невключение, недостижение, несоответствие, невыполнение, неисполнение, неприятие, несовпадение и др.* Значительно реже употребляются существительные, образованные путем усечения основы (*невплата, невывоз, невыезд и др.*), а также путем усечения с последующей суффиксацией (*неявка*). Лексемы с другими формантами встречаются в единичных случаях (*невмешательство*).

В научных работах неоднократно подчеркивалось, что группа отглагольных существительных фактически представлена словами разного порядка. Г. О. Винокур, анализируя стилистические особенности данной лексики, отмечает наличие как минимум двух категорий существительных: «имена типа *играние* или *смотрение* – во-первых, и имена типа *игра, смотр*, а также *значение* или *содержание* – во-вторых» [Винокур 1928: 80]. Принципиально важным в этом противопоставлении оказывается то, что слова второй группы практически утратили глагольную семантику, субстантивировались до конца и уже не воспринимаются говорящим как единицы отглагольные. Напротив, существительные типа *играние, смотрение* и подобные с финалями *-ание, -ение*, отнесенные к первому типу, акцентируют внимание на своей глагольной природе. Г. О. Винокур подчеркивает, что «упреки в стилистической дефектности <...> могут относиться только к именам первой категории, поскольку они исполнены внутреннего смыслового противоречия: будучи вызваны к жизни потребностью избавиться от глагольных качеств значения, они и под субстантивным обликом эти глагольные качества все же сохраняют» [Винокур 1928: 84].

Итак, среди отрицательных девербатов чаще всего встречаются лексемы, оканчивающиеся на *-ение*, то есть именно такие, в которых наиболее отчетливо проявляется глагольная семантика. Напротив, чем более сильно субстантивировалось слово, тем меньше у него возможностей присоединить к себе отрицание. Так абсолютно абсурдными кажутся образования типа *невзятка, незаявка, неподдержка, незапрет, неслужба* и подобные.

Ср. гипотетические контексты: *Невзятка была обычным делом для него. Поддержка близких огорчает.*

Исходные существительные (*взятка, заявка, поддержка*) уже достаточно сильно субстантивировались и воспринимаются как слова с четким предметным значением, поэтому их употребление с приставкой *не-* должно приводить к образованию нового, противоположного по значению слова, однако антонимичные и контрадикторные понятия для данных существительных в языке отсутствуют.

Если говорящему необходимо передать значение неосуществления какого-либо действия, вероятнее всего, отрицание будет выражено другими языковыми средствами.

Ср.: *Он никогда не брал взятку / Взятка была неприемлема для него.*

Отсутствие поддержки близких огорчает / Если близкие не поддерживают, это огорчает.

Заявки не поступило / Кто-то не подал заявку.

Обратим внимание на тот факт, что во всех условно «правильных» предложениях отрицание присоединяется к лексеме с глагольной семантикой (хотя данное положение, вероятно, не будет справедливым для всех возможных контекстов).

В качестве эксперимента проведем еще несколько трансформаций вышеперечисленных существительных.

Ср. гипотетические контексты: *Ответственность за неподдержку кого-либо несет кто-либо. В случае невзятки денежных средств кто-либо освобождается от ответственности. В случае незаявки о чем-либо в установленные сроки договор расторгается.*

Не принимая во внимание очевидную ненормативность получившихся словоформ, отметим, что отрицание при девербативах оказывается более уместным в позициях, где контекстуальное окружение актуализирует семантику производящей глагольной основы. Приставка *не-* в данном случае сближается по значению с соответствующей частицей, репрезентирующей отрицание при глаголе.

Наконец, выполним последнюю трансформацию, осуществив замену суффиксов в рассматриваемых отглагольных существительных. Ср.: *Незаявление, неподдержание / неподдерживание, незапрещение, невзятие и т. д.* Составить предложения с получившимися лексемами, вероятно, не составит труда для любого носителя языка. Образование подобных существительных традиционно относится к сфере синтаксической деривации, под которой понимается «изменение грамматического значения знака, обуславливающее выполнение им новой функции при полном или частичном сохранении семантического содержания» [Балли 1955: 131]. Это еще раз подчеркивает, что в процессе перехода в существительные глагольная семантика таких дериватов остается четко ощутимой даже в субстантивном облициии.

Таким образом, наблюдается некоторая взаимосвязь между наличием глагольной семантики и способностью отглагольной лексемы присоединять к себе отрицание.

В отглагольных образованиях типа *необеспечение, неисполнение, несообщение* и т. п. приставка *не-* функционирует подобно соответствующей частице при глаголе, то есть собственно отрицает осуществление действия/события/процесса, названного глагольной основой. Отрицательные девербативы, таким образом, представляют собой результат номинализации исходного предиката, в процессе которого частица *не-* сливается с основой и превращается в приставку. Однако именно это «сращение», на наш взгляд, впоследствии не просто осложняет семантику предложения, но становится единицей гораздо более сложной для декодирования носителем языка, чем исходный глагольный вариант. В литературе отмечается, что «звуковой комплекс частицы *не* воспринимается как отдельное слово, но служебное, а приставка *не-* образует часть слова и воспринимается в сочетании с другими звуками, с которыми образуют единое слово» [Меретукова 2021: 131], и если сочетание «не + глагол» декодируется как две отдельные единицы («S не есть P»), то отрицательный девербатив воспринимается как целостная единица, причем единица в определенной степени сложная для восприятия, так как в ее состав входят «семантически насыщенные» морфемы (*не-*, *-ениj-*), каждая из которых по-своему модифицирует значение производящего глагола. При этом отрицательная семантика, репрезентируемая в существительном приставкой, становится гораздо менее ощутимой для реципиента, так как она (приставка) «сливается» с остальной частью лексемы. Кроме того, морфологические характеристики подобных существительных, а также их слитное написание с *не-* транслируют реципиенту в большей степени именные значения, в то время как семантически такие девербативы являются репрезентантами глагольных (и шире – пропозициональных) значений.

Конструкции с отглагольными существительными в целом имеют достаточно много недостатков с точки зрения их восприятия носителем языка: во-первых, свойственное деловому тексту «нанизывание падежей» зачастую вызывается именно употреблением отглагольных существительных; во-вторых, некоторую неясность тексту может придавать отсутствие четко проявленных видовых, временных и залоговых значений, изначально свойственных глаголу [Розенталь 2012: 326]. Выше мы уже отмечали, что для отрицательных девербативов, сохранивших в процессе словообразования четко ощутимую для реципиента глагольную семантику, свойственно определенное «столкновение» глагольных и субстантивных значений, что, безусловно, осложняет восприятие законодательного текста.

Анализ текстов действующих законов Российской Федерации позволил определить круг контекстов, в которых усиливается глагольная семантика отрицательного девербатива и, как следствие, начинают конкурировать их субстантивные и глагольные значения. Среди таких актуализаторов можно выделить следующие.

1) Производные отыменные причинно-следственные или условные предлоги *вследствие, в связи с, в случае* и т. п.: *Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие небезопасности товара (работы), подлежит возмещению <...>. При причинении вреда жизни, здоровью и имуществу потребителя вследствие непредоставления ему полной и достоверной информации о товаре <...>. В случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь кредитору <...> и др.*

Как отмечает В. А. Маркова, «при употреблении предлога *вследствие* акцентируется наличие причинно-следственной связи между двумя событиями, фактами как в мире природы, так и в социальной сфере» [Маркова 2016: 4], предлог *в связи с* «всегда указывает на причину (повод)» [Гун 2017: 34]. Под условными

синтаксическими отношениями в целом «понимаются прежде всего условия, обеспечивающие проявление действия» [Биньковская 2008: 39]. Другими словами, включение подобных лексем в контекст предполагает установление взаимосвязи между несколькими событиями, одно из которых может быть вербализовано отглагольным существительным, именно поэтому такие единицы являются актуализаторами глагольной семантики девербатива.

Кроме того, рассматриваемые производные предлоги актуализируют видовые, временные и залоговые глагольные значения существительного. Так, в конструкции «*Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара (работы), подлежит возмещению <...>*» достаточно ярко проявляются значения совершенного вида и прошедшего времени: правовые последствия наступают, если вред уже причинен, следовательно, к моменту речи действие уже не было осуществлено (безопасность не была обеспечена). Учитывая тот факт, что текст закона репрезентирует деонтическую модальность, данный фрагмент можно интерпретировать и несколько иначе: действие (обеспечение безопасности товара) должно достигнуть своего предела до того момента, как будет причинен вред. И при первом, и при втором варианте понимания текста видо-временные отношения декодируются одинаково.

Значение страдательного залога в данном контексте менее очевидно, однако есть основания говорить о наличии признаков пассивной конструкции: *безопасность товара не была обеспечена [исполнителем]*. Субъект в данном случае материально не выражен, хотя в большом количестве контекстов субъект называется. Ср.: «*В случае недоведения исполнителем преступления до конца...*». В таком случае залоговые значения становятся еще более очевидными для реципиента.

Несмотря на то, что для появления формальных показателей соответствующих категорий необходима трансформация предложения в глагольную конструкцию, в целом для единственно верного понимания текста реципиент должен безошибочно декодировать и имплицитно представленные грамматические значения.

При этом подчеркнем, что в конструкциях «производный предлог + отрицательный девербатив» значения совершенного вида, прошедшего времени и страдательного залога репрезентируются не столько глагольной основой, сколько самим сочетанием предлога с отрицанием. Ср.: *обеспечение безопасности (несов. вид) / необеспечение безопасности (и несов., и сов. вид), вследствие необеспечения безопасности (сов. вид)*.

Напротив, субстантивные характеристики, имеющие в лексеме «*необеспечение*» четкие формальные показатели, незначительно влияют на понимание сообщения. Безусловно, рассматриваемое слово является отвлеченным существительным, на что указывает его семантика, а также отсутствие форм множественного числа, неспособность сочетаться с неопределенно-количественными словами и т. д. И действительно, лексема сама по себе, взятая вне контекста, формирует представление о действии в отвлечении от его производителя, однако это положение не вполне справедливо для рассматриваемого фрагмента закона, где наблюдается четкая взаимосвязь между субъектом и неосуществлением им указанного действия (*вследствие необеспечения безопасности товара*). Нельзя также сказать, что какие-либо иные грамматические значения существительного в значительной степени влияют на понимание текста, даже выбор падежной формы в данном случае обусловлен валентностью предлога.

Таким образом, синтаксическая конструкция, выбор которой обусловлен потребностью «свернуть» пропозицию, требует употребления совершенно определенной именной формы, а семантика предложения – реализации глагольных значений.

2) Наличие при отрицательном отглагольном существительном творительного падежа со значением действующего лица: *Неисполнение подчиненным приказа начальника <...>; При невыполнении изготовителем (исполнителем) этой обязанности <...>; Непринятие лицом <...> мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов <...>*.

Формы творительного падежа со значением производителя действия употребляются при отглагольных существительных, фактически оформляя страдательную конструкцию, однако потенциальная сложность их восприятия заключается в том, что синтаксические роли, в которых выступают данные языковые единицы, не соответствуют транслируемой ими семантике. Так, в конструкциях с творительным падежом отрицательное отглагольное существительное нередко выступает в роли подлежащего, то есть является грамматическим субъектом, в то время как на семантическом уровне имеет предикативное значение, как следствие, возникает конкуренция именных и глагольных значений.

3) Конструкции с пропозициональными актантами: *Освобождается от ответственности за неисполнение обязательств <...>; ... до устранения обстоятельств, явившихся основанием для отстранения от работы или недопущения к работе <...>; Лица, виновные в непредоставлении информации <...>*.

В ряде конструкций отрицательный девербатив заполняет валентность слов, требующих в рамках законодательного текста распространения и конкретизации лексемой с глагольной семантикой: *ответственность за ...*, *виновный в ...* (осуществление/неосуществление определенных действий) и т. д. При этом валентность самих отрицательных девербативов, унаследованная от производящих глаголов, также нуждается в обязательном заполнении: *неисполнение* (чего?), *недопущение* (к чему?), *непредоставление* (чего?) и т. д. Таким образом, в подобных конструкциях, с одной стороны, девербатив выступает в качестве актанта, то есть принимает на себя нетипичную для предикативной единицы, но традиционную для существительного роль, с другой стороны, как стандартный предикат требует заполнения своей валентности.

Итак, проведенный нами анализ отрицательных девербативов, функционирующих в текстах законов, позволяет сделать следующие выводы:

1) отглагольные существительные, употребляющиеся в законах, имеют разную степень субстантивации; наиболее сложными для восприятия реципиентом являются лексемы, глагольные качества которых достаточно четко проявлены;

2) отрицательные девербативы представляют собой результат номинализации исходного предиката, в процессе которого частица *не-* сливается с основой и превращается в приставку, однако в семантике данной единицы изменений не происходит. Таким образом, структура производного слова становится более сложной, отрицательное значение приставки – менее очевидным, лексема приобретает формальные показатели принадлежности к группе существительных, продолжая выражать глагольные значения;

3) в определенных контекстах происходит актуализация глагольной семантики девербатива, что может приводить к конкуренции их субстантивных и глагольных значений. Неполное соответствие плана содержания плану выражения обуславливает сложности восприятия подобных единиц адресатом законодательного текста;

4) можно выделить как минимум три типа контекстов, актуализирующих глагольную семантику девербатива: 1) употребление в конструкции с производными отыменными причинно-следственными или условными предложениями; 2) наличие при отрицательном девербативе существительного в творительном падеже со значением действующего лица; 3) употребление в конструкциях с пропозициональными актантами.

Таким образом, отмеченная еще Г. О. Винокуром «дефектность» [Винокур 1928: 84] слабо субстантивировавшихся существительных, обусловленная попыткой замаскировать глагольные значения под субстантивным обликом, ярко проявляется при функционировании таких единиц в законодательном дискурсе.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Батюшкина М. В. К вопросу о выражении в законодательных текстах семантики действия / Юрислингвистика. - 2018. - №9-10. - С. 31-58.

Биньковская М. В. Формирование предлогов со значением условия и уступки в деловом языке второй половины XVIII века (по материалам ОГАЧО) / Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. - 2008. - №1(101). - С. 39-41.

Винокур Г. О. Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации) / Русская речь. - 1928. - № 3. - С. 75-93.

Гун Ц. Особенности функционирования производных причинных предлогов с субстантивным компонентом в связи с и по случаю / Балтийский гуманитарный журнал. - 2017. - №2(19). - С. 33-35.

Лузина Г. Л. Исследования отглагольных имен существительных в русском языке (обзор). / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание: Реферативный журнал. - 2001. - №1. - С. 111-123.

Маркова В. А. Предлоги *ввиду*, *вследствие*, *в результате*, *в силу* в лингводидактическом освещении / Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. - 2016. - № 10. - С. 4-13.

Меретукова М. М., Малова Н. Е., Сapieва С. К. Отрицательные частицы русского языка / Актуальные научные исследования в современном мире. - 2021. - № 10-6(78). - С. 130-134.

Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л., 1925.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И. Б. Голуб. М., 2012.

References

Balli, Sh. (1955). General linguistics and questions of the French language. Moscow (in Russian).

Batyushkina, M. V. (2018). On the issue of expressing the semantics of action in legislative texts. Legal linguistics, 9-10, 31-58 (in Russian).

Bin'kovskaya, M. V. (2008). Formation of prepositions with the meaning of conditions and concessions in the business language of the second half of the XVIII century (based on the materials of OGACHO). Bulletin of the South Ural State University. Series: linguistics, 1(101), 39-41 (in Russian).

Gong, G. (2017). Peculiarities of the functioning of the causal prepositions with the substantive component в связи с (in connection with) and по случаю (on the occasion). Baltic Humanitarian Journal, 2(19), 33-35 (in Russian).

Luzina, G. L. (2001). Studies of verbal nouns in the Russian language (review). Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics, 1, 111-123 (in Russian).

Markova, V. A. (2016). The prepositions *ввиду*, *вследствие*, *в результате*, *в силу* in the methodological aspect. Word. Offer. Text: analysis of language culture, 10, 4-13 (in Russian).

Meretukova, M. M., Malova, N. E., Sapieva, S. K. (2021). Negative particles of Russian language. Current scientific research in the modern world, 10-6(78), 130-134 (in Russian).

Peshkovskij, A. M. (1925). Methods of the native language, linguistics, stylistics, poetics: collection of articles. Leningrad (in Russian).

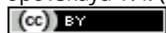
Rozental', D. E. (2012). Handbook of Spelling and Literary Editing. Moscow (in Russian).

Vinokur, G. O. (1928). Verb or name? (Experience of stylistic interpretation). Russian speech, 3, 75-93 (in Russian).

Citation:

Popovskaya V. I. Negative Deverbatives in the Texts of the Law: Communicative and Pragmatic Aspect // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 21-26.

Popovskaya V. I. (2023). Negative Deverbatives in the Texts of the Law: Communicative and Pragmatic Aspect. Legal Linguistics, 27, 21–26.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
